

ПРАВО

УДК 343.15

А.В. Кудрявцева

КАССАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ К ОТМЕНЕ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЮ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Исследуется необходимость уточнения кассационных оснований к отмене или изменению судебных решений и их дифференциации относительно ухудшения или улучшения положений осужденного. Обосновывается необходимость пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу не только по вопросам права, но и вопросам факта, тесно связанных с вопросами права. Устанавливаются критерии связанности вопросов факта и права при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции. Аргументируется необходимость иного регулирования сроков обжалования и рассмотрения дел и материалов в кассационном судопроизводстве.

Ключевые слова: кассационные основания; существенные и фундаментальные нарушения; сроки обжалования и сроки рассмотрения.

Совершенствование стадии кассационного производства как стадии исключительной должно отвечать требованиям баланса двух ценностей – правовой определенности (которая относится не только к законодательству, но и к правоприменительным актам) и права на судебную защиту. Этим требованиям баланса должны отвечать и кассационные основания к отмене или изменению судебных решений, тесно связанные с предметом судебного разбирательства в кассационном производстве.

Предмет судебного рассмотрения в кассации, сформулированный в ст. 401.1 УПК РФ, ограничен вопросами права, что отличает данную процессуальную форму от других форм проверки судебных решений (апелляции, возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств).

В литературе высказывается справедливое мнение, в соответствии с которым сформулированный «в таком виде предмет судебного разбирательства, с одной стороны, служит гарантией принципа правовой определенности, препятствуя оспариванию правильности установления фактических обстоятельств дела после вступления судебного решения в законную силу, а с другой стороны, оставляя участникам уголовного процесса возможность добиваться пересмотра неправосудных, по их мнению, судебных решений, тем самым обеспечивает им конституционное право на судебную защиту» [1. С. 56].

Такое формулирование предмета рассмотрения дела в суде кассационной инстанции освобождает суд от отмены или изменения приговора ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

Однако вопросы формирования кассационных оснований в уголовном процессе продолжают быть предметом дискуссий в науке уголовно-процессуального права, а наличие проблемы подтверждается также не вполне устоявшейся судебной практикой.

В статье 401.15 УПК РФ основания к отмене или изменению решений судов, вступивших в законную силу, сформулированы следующим образом: основания отмены или изменения приговора, определения

или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, либо выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Существенность нарушений как сугубо оценочный критерий открывает перед судьями неограниченные возможности для судебского усмотрения. Ограничения данного усмотрения установлены для пересмотров приговора в сторону ухудшения положения осужденного, который возможен только в тех случаях, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Представляется верным суждение, что сущностный смысл правосудия лежит в плоскости справедливости, ее восстановления в результате осуществления правосудия. Причем категория справедливости важна не только для осужденного, но и для потерпевшего.

В этом свете представляется весьма актуальной дискуссия о возможности пересмотра судебных решений по вопросам законности и обоснованности не только по вопросам права, но и факта. Так, В.А. Давыдов [2. С. 533], Т.Г. Бородинова [3. С. 222, 224], И.С. Дикарев [1. С. 65] полагают, что законность тесно связана с обоснованностью, и, рассматривая судебное решение в точки зрения законности, нельзя обойти вниманием и обоснованность. В.Д. Потапов считает, что «декларируемая принципиальность подходов законодателя в указанном определении предмета проверки в целом оправдано» [4. С. 230]. Однако и он ставит под сомнение возможность рассмотрения законности судебного решения, не вдаваясь в его обоснованность. Л.В. Головкин, анализируя реформу контрольных производств и сравнивая новое устройство судебных инстанций с европейской моделью, указывает: «Двух инстанций достаточно, чтобы более не спорить – “бил или не бил”, “проникал или не проникал”, “имел намерение или не имел намерения”» и т.д.

Более споры по фактическим обстоятельствам (у нас сейчас бесконечные) не допускаются. Именно поэтому судебное следствие и существует только в первой и апелляционной инстанциях» [5].

Нам представляется небезынтересной позиция И.С. Дикарева, который делит обоснованность судебного акта на два уровня: первый уровень предполагает установление юридически значимых фактических обстоятельств дела на основе исследования доказательств и второй уровень – принятие правоприменительного решения на основе ранее установленных фактических обстоятельств дела [1. С. 56].

Второй уровень обоснованности предполагает выбор правовой нормы, что, соответственно, является заключительным этапом процесса квалификации деяния и предопределяется верным установлением юридически значимых фактических обстоятельств дела. Таким образом, понятие обоснованности является составной и неотъемлемой частью понятия законности, и это стало совершенно очевидным, в том числе и в судебной практике, когда приговоры в процессе кассационного производства изменяются и отменяются в связи с неверной квалификацией деяния, которая, в свою очередь, предопределена неверным установлением фактических обстоятельств дела.

Исходя из этого, строго говоря, положения абзацев первого и второго Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 (ред. от 03.03.2015) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» противоречат друг другу по следующим причинам. Так, в абзаце первом п. 10 говорится о том, что «в силу статьи 401.1 УПК РФ при рассмотрении кассационных жалоб, представления суд (судья) кассационной инстанции проверяет только законность судебных решений, то есть правильность применения норм уголовного и норм уголовно-процессуального права (вопросы права)». При этом правильность применения норм права в части квалификации деяния предполагает, как указывалось выше, верное установление фактических обстоятельств дела на основе оценки доказательств, т.е. представляет собой первый необходимый этап квалификации деяния, правильного применения норм уголовного права, содержащихся в его Особенной части.

В абзаце втором этого же п. 10 указывается: «С учетом данного ограничения доводы кассационных жалобы, представления, если в них оспаривается правильность установления судом фактических обстоятельств дела (вопросы факта), проверке не подлежат. Вместе с тем, если в кассационных жалобе, представлении содержится указание на допущенные судом нарушения уголовно-процессуального закона при исследовании или оценке доказательств (например, обоснование приговора недопустимыми доказательствами), повлиявшее на правильность установления судом фактических обстоятельств дела и приведшее к судебной ошибке, такие доводы не должны быть оставлены без проверки».

Другими словами, если в доводах жалобы, представления указывается не просто на неправильность

установления фактических обстоятельств дела, но и на тот факт, что это повлекло за собой еще и неправильность квалификации деяния, т.е. неправильное применение норм права, то правильность установления фактических обстоятельств дела подлежит проверке. Или может сложиться другая ситуация, когда нарушения уголовно-процессуального закона, например, нарушение правил получения доказательств, или непредставление стороне права представить свои доказательства, или неисследование доказательств в суде первой и апелляционной инстанции повлекли за собой неверное установление фактических обстоятельств дела; в этом случае правильность установления фактических обстоятельств дела также подлежит проверке.

Положения закона о предмете кассационного производства как только законности в сущности не означает, что вступившее в законную силу решение не может быть отменено в силу необоснованности, а означает только то, что сам суд кассационной инстанции не может устанавливать фактические обстоятельства дела, поскольку законом не предусмотрен инструментарий для этого. Однако на практике, когда речь идет об улучшении положения лица, такие решения судами кассационной инстанции принимаются.

Так, например, согласно приговору в период с 23 часов до 02 часов у Г. после конфликта, произошедшего между ним с одной стороны, и свидетелем б и свидетелем 7 с другой стороны, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к подошедшему Потерпевшему возник умысел на причинение ему смерти. Реализуя умысел на убийство потерпевшего, Г. находящимся у него ножом умышленно, с целью причинения смерти, нанес потерпевшему не менее семи ударов ножом в область расположения жизненно важных органов – в область грудной клетки и левого плеча, причинив два проникающих ранения грудной клетки с повреждениями левого легкого, перикарда, правого и левого желудочков сердца, относящихся к тяжкому вреду здоровью, в результате которых наступила смерть потерпевшего на месте происшествия, а также телесные повреждения, относящиеся к легкому вреду здоровью. Осужденный Г. виновным себя не признал; в судебном заседании пояснил, что потерпевший был среди лиц, напавших на него, и нанес ему удары. Обороняясь, он (Г.) размахивал ножом.

Президиум считает, что выводы суда о фактических обстоятельствах дела соответствуют исследованным доказательствам, однако при квалификации действий осужденного неправильно применен уголовный закон.

Согласно выводам органов следствия, свидетель б и свидетель 7 совершили общественно опасное посягательство на осужденного, который в состоянии необходимой обороны нанес им ножевые ранения, повлекшие тяжкий вред здоровью.

Показания осужденного о том, что потерпевший был одним из лиц, нападавших на него, нанес ему удары, правильно отвергнуты судом по тем основаниям, что они содержат противоречия, опровергаются показаниями очевидцев.

Согласно показаниям свидетелей потерпевший не был участником конфликта между осужденным и свидетелем 6 и свидетелем 7. Он находился в автомобиле свидетеля 1, который, как следует из показаний свидетеля 5, приехал на место происшествия в тот момент, когда свидетель 5 усаживал в свою автомашину раненых свидетеля 6 и свидетеля 7. Суд обоснованно признал, что на момент появления автомобиля свидетеля 1 на месте происшествия конфликт между Г. и свидетелем 6 и свидетелем 7 закончился и потерпевший в нем не участвовал.

Опровергая доводы осужденного, суд в приговоре указал, что прекращение органами следствия уголовного преследования в отношении Г. в части обвинения в причинении тяжкого вреда здоровью свидетеля 6 и свидетеля 7 в связи с наличием в его действиях необходимой обороны не свидетельствует о совершении им действий в отношении потерпевшего при необходимой обороне.

Вместе с тем суд не принял во внимание, что ситуация на месте происшествия, эмоциональное состояние осужденного после общественно опасного посягательства, совершенного в ночное время, повлекшего причинение легкого вреда его здоровью, не позволяли ему объективно оценить обстановку. Он имел основания расценить появление потерпевшего на месте происшествия как продолжение этого посягательства.

Вывод суда о том, что с учетом поведения потерпевшего у Г. не могло возникнуть состояние необходимой обороны, президиум находит ошибочным. Для осужденного не был ясен момент окончания общественно опасного посягательства, совершенного группой лиц, и он не утратил право на оборону.

Президиум считает, что Г., обороняясь от предполагаемого нападения со стороны потерпевшего, применив нож, которым нанес множественные ранения потерпевшему, в том числе в область сердца, явно превысил пределы необходимой обороны, и переквалифицирует его действия с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

Президиум постановил приговор Б. городского суда Забайкальского края от 28 февраля 2014 г., апелляционное определение Забайкальского краевого суда от 3 июня 2014 г. в отношении Г. изменить, переквалифицировать действия Г. с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ, по которой назначить ему наказание – 1 год 10 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Исключить из приговора назначение наказания в соответствии со ст. 70 УК РФ [6].

Из текста данного постановления следует, что суд кассационной инстанции не просто по-иному установил фактические обстоятельства дела, он в производстве, в котором отсутствует судебное следствие, по-иному оценил доказательство.

В связи с этим встает вопрос о понятии «исследование доказательств», в смысле ст. 274 УПК РФ всегда ли под исследованием доказательств понимается их гласное, непосредственное изучение в состязательном процессе с участием сторон. Полагаем, что изучение доказательств судьей – докладчиком, а так-

же всеми членами президиума путем ознакомления с письменными материалами уголовного дела также означает их исследование в гносеологическом понимании этого слова и при согласии с их переоценкой судом сторонами может влечь за собой, в том числе, и иную квалификацию деяния. Такая ситуация может сложиться не только в кассационном производстве, но и при производстве в особом порядке, предусмотренном гл. 40 и 40.1 УПК РФ.

В связи с вышесказанным нам представляется, что разграничение апелляционных и кассационных производств находится не столько в плоскости законности и обоснованности, сколько в глубине и серьезности нарушений, допущенных судами первой и апелляционной инстанции. Нарушения, которые являются кассационными основаниями к отмене или изменению судебных решений, вступивших в законную силу, должны быть настолько основательны и очевидны, что могли бы преодолеть презумпцию истинности вступившего в законную силу приговора или иного судебного решения.

И.С. Дикарев вполне обоснованно, исходя из реалий сегодняшнего дня, называет стадию кассационного производства ординарной [1. С. 312], по соотношению с апелляционным обжалованием кассационное обжалование и последующее рассмотрение в кассационном производстве представляет собой значительную долю. Так, за 2016 г., по данным Ставропольского краевого суда, в апелляционную инстанцию поступило жалоб и представлений по 8 727 делам и материалам, из них было отменено и изменено 1 118 приговоров и иных судебных решений, в кассационную инстанцию было подано жалоб и представлений по 2 373 делам и материалам, из них рассмотрено с изменениями и отменой президиумом 297 дел и материалов по жалобам и представлениям, т.е. процент отмен и изменений по отношению к количеству поданных жалоб и представлений по апелляционной инстанции составляет 12,8%, в кассационной инстанции – 12,5%.

Таким образом, количество отмененных и измененных приговоров и иных решений в кассационной инстанции вполне сопоставимо с количеством отмененных и измененных решений в апелляционной инстанции. Данные цифры не позволяют говорить о кассационной инстанции как об экстраординарной.

Именно это, а также требование разграничения оснований для апелляционного и кассационного производства [7] требуют уточнения кассационных оснований для отмены и изменения вступивших в законную силу приговоров и иных решений. Необходимость такого разграничения вытекает из п. 2 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку, как указал Европейский суд по правам человека, кассационное производство в целях правовой определенности подпадает под действие данного положения как отдельный вид возобновления судебного разбирательства.

Полагаем, что кассационные основания должны лежать в плоскости определения основательности причин, по которым судебное решение, вступившее в законную силу, и правовая определенность право-

применительного акта могут быть преодолены. К этим основаниям следует отнести такие нарушения права на судебную защиту, которые по своей фундаментальности наносят больший урон для правосудия и его сущности – восстановления справедливости, чем необходимость правовой определенности.

Конституционный Суд РФ связывает возможность преодоления окончательности вступивших в законную силу судебных актов с наличием фундаментального нарушения, неоспоримо свидетельствующего о судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причиненного ущерба [8].

Фундаментальность нарушений, влекущих за собой отмену или изменение приговора, связывается в определении Конституционного Суда РФ прежде всего с влиянием на принятое решение, а также в целом на смысл правосудия.

Следует отметить, что законодатель делал попытку определения фундаментального нарушения в период действия гл. 48 УПК РФ или «старого надзора». Федеральным законом от 14 марта 2009 г. № 39-ФЗ законодатель внес изменения в ст. 405 УПК РФ, ч. 3 которой изложил следующим образом: «К фундаментальным нарушениям относятся нарушения уголовно-процессуального закона, которые повлекли за собой постановление приговора незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей, а равно лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления прав, гарантированных настоящим Кодексом, на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно ограничили эти права, если такие лишения или ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда». Данное определение сразу было подвергнуто критике, поскольку совершенно очевидно, что фундаментальные нарушения могут быть связаны не только и не столько с нарушениями уголовно-процессуального закона, но и с неправильным применением уголовного закона как в части квалификации деяния, так и в части назначения наказания» [9, 10]. В судебной практике при определении фундаментальности нарушений, влекущих за собой отмену или изменение судебного решения, достаточно часто апеллируют к так называемым безусловным основаниям отмены или изменения приговора, указанным в ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ, в тех случаях, когда они повлияли на законность приговора. Прямо на ч. 2 ст. 389.17 указывает и Пленум Верховного Суда РФ, который в п. 21 постановления от 28 января 2014 г. № 2 сообщает: «К числу нарушений уголовно-процессуального закона, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, могут быть отнесены, в частности, нарушения, указанные в пп. 2, 8, 10, 11 ч. 2 ст. 389.17, в ст. 389.25 УПК РФ, а также иные нарушения, которые лишили участников уголовного судопроизводства возможности осуществления гарантированных законом прав на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон либо существенно

ограничили эти права, если такое лишение либо такие ограничения повлияли на законность приговора, определения или постановления суда».

В науке высказывается мнение, в соответствии с которым «не каждое безусловное существенное нарушение является фундаментальным. К последним рекомендуется относить: постановление приговора незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом присяжных заседателей, нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта или тайны совещания судей при постановлении приговора; отсутствие подписи судьи или одного из судей, если уголовное дело рассматривалось судом коллегиально, на соответствующем судебном решении; отсутствие протокола судебного заседания. Фундаментальными (принципиальными) нарушениями являются только те, которые необратимо нарушают исходные начала всего состязательного судопроизводства – принципы равенства сторон и независимости суда» [9].

И.С. Дикарев предлагает при формулировании кассационных оснований применять смешанный метод их определения, через определение фундаментальных нарушений и примерный перечень, который задаст основные рамки применения таковых оснований в судебной практике: «Фундаментальное нарушение закона – это нарушение уголовно-процессуального закона или неправильное применение уголовного закона, которое повлияло на исход дела и искажает саму суть правосудия» [1. С. 264]. При этом он полагает, что по мере формирования кассационной судебной практики такой перечень целесообразнее закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. С данным предложением следует согласиться еще и потому, что в этом определении фундаментальных нарушений, влекущих за собой отмену или изменение вступивших в законную силу приговоров, заложен и предмет судебного рассмотрения кассационного производства, и вопрос о разграничении вопросов права и факта при рассмотрении в суде кассационной инстанции отпадает сам собой. Другими словами вопросы факта являются предметом судебного рассмотрения в суде кассационной инстанции, если они повлекли за собой фундаментальные ошибки в вопросах права.

С основаниями отмены связан еще и срок обжалования по доводам, улучшающим положение осужденного. Поскольку вопросам ограничения обжалования по основаниям, ухудшающим положение осужденного, посвящены решения Конституционного Суда РФ, ЕСПЧ, а также достаточно много научных работ, этот вопрос в данной статье глубоко не затрагивается. Следует при этом заметить, что в настоящее время фундаментальность оснований для пересмотра приговоров действует только в отношении ухудшения положения осужденного, если же мы говорим об улучшении положения осужденного, то действуют положения существенности нарушений, которые подлежат исправлению в любом случае их влияния на законность состоявшихся судебных решений по делу.

При этом хотелось бы отметить, что подобного рода «ассиметрия» ставит в весьма невыгодное положение потерпевшего, который также имеет право на

справедливое, эффективное расследование и судебное разбирательство и в случаях неправильного применения уголовного закона, когда применена норма права, явно не отражающая фактические обстоятельства дела, позволяет лицу, в отношении которого велось уголовное преследование, уйти от уголовной ответственности или получить явно мягкое наказание, не соответствующее реально содеянному. Данной «асимметрии» способствует также положение, в соответствии с которым обжалование вступивших в законную силу решений в сторону «улучшения» положения осужденного сроков не имеет, что влечет за собой неопределенность, которую ЕСПЧ именовал неприемлемой [11].

Кроме того, отсутствие сроков обжалования порождает иногда технические трудности, поскольку обжалуются решения, которые содержатся в материалах производства, срок хранения которых истек, и установить обоснованность доводов жалобы представляется затруднительным. Действительно, Европейский суд по правам человека в Постановлении по делу А.И. Рябых от 24 июля 2003 г. (п. 51 и 54) указал на недопустимость правовой неопределенности, когда возможность обжалования решения, вступившего в законную силу, не ограничена во времени, так что судебные постановления могут быть оспорены на протяжении неопределенного срока [12].

Представляется, что законодателю необходимо вернуться к установлению сроков для кассационного пересмотра приговоров и иных решений, за исключением случаев, когда пересмотр связан с оправданием лица или правом его на реабилитацию [13].

Необходимо отметить, что ст. 376 ГПК РФ устанавливает срок обжалования судебных решений в кассационном порядке и предусматривает возможность их восстановления, а ст. 401.6 УПК РФ предусматривает срок пересмотра (т.е. срок, в течение которого суд кассационной инстанции может реализо-

вать свое полномочие пересмотреть вступившие в законную силу приговор, определение или постановление суда).

Кроме того, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 2 содержит положения, в соответствии с которым «пропущенный при подаче кассационных жалобы, представления предусмотренный статьей 401.6 УПК РФ годичный срок, в течение которого допускается поворот к худшему при пересмотре судебного решения в кассационном порядке, восстановлению не подлежит вне зависимости от уважительности причины его пропуска. В таком случае ходатайство о восстановлении пропущенного срока возвращается заявителю без рассмотрения. Решение о повороте к худшему не может быть принято судом кассационной инстанции по истечении годичного срока и в тех случаях, когда постановление о передаче кассационных жалобы, представления на рассмотрение суда кассационной инстанции было вынесено до его истечения. При этом суд кассационной инстанции оставляет жалобу, представление без удовлетворения».

Полагаем, что такое разъяснение подчас ограничивает права потерпевших в уголовном судопроизводстве и позволяет лицам, совершившим преступления уходить от ответственности.

Было бы целесообразно установить срок обжалования вступивших в законную силу решений суда (не срок пересмотра) по доводам, улучшающим положение лица, связав его с исполнением наказания, например, не более одного года с момента, когда наказание исполнено, по доводам, ухудшающим положение лица в течение одного года с момента вступления в законную силу. Также необходимо предусмотреть возможность восстановления данного срока, если он пропущен по уважительной причине, поскольку положения ст. 130 УПК РФ должны распространяться и на стадии обжалования приговоров, вступивших в законную силу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дикарев И.С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016. URL: <http://va-mvd.ru/files/diser/diserDekarev.pdf>
2. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения: в 2 ч. Ч. I / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2015. 552 с. С. 533.
3. Бородинова Т.Г. Теоретические и правовые основы формирования института пересмотра приговоров в уголовно-процессуальном праве России / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста Рос. Федерации Г.И. Загорского. М. : Юрлитинформ, 2014. 288 с.
4. Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений у контрольно-проверочных стадиях производствах уголовного судопроизводства России. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 230.
5. Головки Л.В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрист, 2011. // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 22.01.2015 № 44-У-184, 185-2014 // СПС Консультант Плюс Проф.
7. Постановление Европейского суда по правам человека от 20 июля 2004 г. Дело «Никитин против Российской Федерации» (жалоба № 50178/99) // СПС КонсультантПлюс.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 1248-О по жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 уголовного-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС Консультант Плюс.
9. Борисевич Г.Я. О существенных, неустраняемых, фундаментальных нарушениях закона как основаниях отмены или изменения судебных решений по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 2.
10. Смирнов А.В., Калининский К.Б. Уголовный процесс : учебник М. : Норма, 2007. С. 606.
11. Решение ЕСПЧ от 19.04.2016 по вопросу приемлемости жалобы «Тимур Иванович Кашлан против России» // СПС Консультант Плюс.
12. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июля 2003 г. Дело «Рябых против Российской Федерации» (жалоба № 52854/99) // СПС КонсультантПлюс.
13. Рукавишникова А.А. Пресекательный срок существования права на подачу кассационной жалобы (представления) // Уголовная юстиция. 2015. № 1 (5). С. 62.

Статья представлена научной редакцией «Право» 18 января 2018 г.

CASSATION GROUNDS FOR CANCELLATION OR CHANGE OF JUDICIAL DECISIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 429, 215–220.

DOI: 10.17223/15617793/429/28

Anna V. Kudryavtseva, Stavropol Regional Court (Stavropol, Russian Federation). E-mail: acifna@mail.ru

Keywords: cassation grounds; substantial and fundamental breach; timing of appeal and time for consideration.

The improvement stage of the appeal proceedings as an exceptional stage must meet the requirements of the balance of the two values of legal certainty and of the right to judicial protection. These balance requirements should be met by cassation grounds for cancellation or change of judicial decisions, closely related to the subject of legal proceedings in cassation. The subject of the judicial review appeal, laid down in Article 401.1 of the RF Code of Criminal Procedure, is limited to questions of law that distinguishes this dimension from other forms of checking court decisions (appeals, resuming criminal case due to new or newly discovered facts). The article substantiates a position according to which questions of legality and reasonableness are closely connected, and the provisions of the law on the subject of appeal as legality only in essence does not mean that an enforceable decision may not be superseded by groundlessness, and only means that the appeal court cannot establish the actual circumstances of the case, since the law does not provide tools for this. The author believes that the definition of appeal grounds should lie in the determination of the solidity of the reasons why the presumption of the truth of judicial decisions entered into legal force and legal certainty of enforcement of the act can be overcome. The justification should include such a violation of the right to judicial protection, which in its fundamentality causes more damage to justice and its essence, which is the need for legal certainty. Questions of fact are subject to a judicial review in the court of appeal, if they resulted in a fundamental error in matters of law. The article also substantiates the expediency of establishing the time for appeal of enforceable court decisions (no time limit) review by arguments, improving the position of persons by associating them with the execution of a sentence, for example, not more than one year from the date when the punishment is fulfilled, by arguments that worsen the situation of persons within one year from the date of their entry into force. It is also necessary to provide the possibility of reinstatement of the time limit if it is missed for a valid reason, since the provisions of Article 130 of the RF Code of Criminal Procedure shall apply to appeal sentences entered into force.

REFERENCES

1. Dikarev, I.S. (2016) *Nadzorno-kassatsionnaya forma peresmotra sudebnykh resheniy v ugovnom protsesse: teoreticheskie osnovy i puti sovershenstvovaniya* [Supervisory-cassation form of review of judicial decisions in the criminal procedure: theoretical foundations and ways of improvement]. Law Dr. Diss. Volgograd. [Online] Available from: <http://va-mvd.ru/files/diser/diserDekarev.pdf>.
2. Kolokolov, N.A. (ed.) (2015) *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF, UPK RF. Pervye rezul'taty primeneniya: v 2 ch.* [Appeal, cassation, supervision: novels of the RF Civil and Criminal Procedure Codes. The first results of application: in 2 parts]. Pt. 1. Moscow: Yurлитinform.
3. Borodina, T.G. (2014) *Teoreticheskie i pravovye osnovy formirovaniya instituta peresmotra prigovorov v ugovno-protsessual'nom prave Rossii* [Theoretical and legal basis for the formation of the institution of review of sentences in the criminal procedure law of Russia]. Moscow: Yurлитinform.
4. Potapov, V.D. (2012) *Osnovnye nachala proverki sudebnykh resheniy u kontrol'no-proverochnykh stadiyakh proizvodstvakh ugovnogo sudoproizvodstva Rossii* [The main principles of the audit of court decisions in the control and verification stages of criminal proceedings in Russia]. Moscow: Yurлитinform.
5. Golovko, L.V. (2011) *Novelly UPK RF: progress ili institutsional'nyy khaos?* [Novels of the RF Code of Criminal Procedure: progress or institutional chaos?]. In: Kolokolov, N.A. (ed.) *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF i UPK RF. Pervyy opyt kriticheskogo osmysleniya* [Appeal, cassation, supervision: novels of the RF Civil and Criminal Procedure Codes. The first experience of critical comprehension]. Moscow: Yurist.
6. SPS Konsul'tant Plyus Prof. (2015) *Postanovlenie Prezidiuma Zabaykal'skogo kraevogo suda ot 22.01.2015 44-U-184, 185-2014* [Judgment of the Presidium of the Trans-Baikal Regional Court of 22.01.2015 No. 44-U-184, 185-2014]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
7. SPS Konsul'tant Plyus Prof. (2004) *Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 20 iyulya 2004 g. Delo "Nikitin protiv Rossiyskoy Federatsii" (zhaloba 50178/99)* [Judgment of the European Court of Human Rights on July 20, 2004. The case of Nikitin v. Russian Federation (complaint No. 50178/99)]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
8. SPS Konsul'tant Plyus Prof. (2012) *Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 28 iyunya 2012 g. N 1248-O po zhalobe grazhdanina Khoroshenko Andrey Anatol'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom 5 stat'i 403, chast'yu chetvertoy stat'i 413 i chastyami pervoy i pyatoy stat'i 415 ugovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 28, 2012 N 1248-O on the complaint of citizen Andrei Khoroshenko on violation of his constitutional rights by Paragraph 5 of Article 403, Part Four of Article 413 and Parts 1 and 5 of Article 415 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
9. Borisevich, G.Ya. (2013) *O sushchestvennykh, neustranimykh, fundamental'nykh narusheniyakh zakona kak osnovaniyakh otmeny ili izmeneniya sudebnykh resheniy po ugovnym delam* [On significant, unavoidable, fundamental violations of the law as grounds for cancellation or change of judicial decisions in criminal cases]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2.
10. Smirnov, A.V. & Kalinovskiy, K.B. (2007) *Ugolovnyy protsess* [The criminal procedure]. Moscow: Norma.
11. SPS Konsul'tant Plyus Prof. (2016) *Reshenie ESPCh ot 19.04.2016 po voprosu priemlemosti zhaloby "Timur Ivanovich Kashlan protiv Rossii"* [Judgment of the ECtHR of 19.04.2016 on the admissibility of the complaint "Timur Ivanovich Kashlan v. Russia"]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
12. SPS Konsul'tant Plyus Prof. (2003) *Postanovlenie Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka ot 24 iyulya 2003 g. Delo "Ryabykh protiv Rossiyskoy Federatsii" (zhaloba 52854/99)* [Judgment of the European Court of Human Rights of July 24, 2003 in the case of Ryabykh v. Russia (complaint No. 52854/99)]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
13. Rukavishnikova, A.A. (2015) *Preclusive term for the right to file a cassation appeal (representation). Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (5). pp. 60–63. (In Russian).

Received: 18 January 2018